

УДК 801.311/313(066)

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ПОЭТОНИМОЛОГИЯ**© Валерий Михайлович КАЛИНКИН**

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
 Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького
 83003, Украина, г. Донецк, пр-т Ильича, 16
 E-mail: kalinin.valeriy@mail.ru

Предложены размышления о путях развития поэтонимологии, междисциплинарного научного направления, изучающего собственные имена в литературно-художественных текстах. Изучение актуально как в связи с бурным развитием ономастических исследований в мире, так и в силу принципиальной новизны целого ряда теоретических постулатов, позиционирующих поэтонимологию не только как преемницу литературной ономастики, но и как новый этап в ее развитии. Цель – ознакомить читателей с задачами поэтонимологических исследований как специфического способа проникновения не только в поэтику, но и в семантическую ауру поэтонимов, формирующуюся в процессе их функционирования в художественном тексте, в свойства и возможности собственных имен в порождении литературно-художественного целого произведения. Предложено осмысление термина поэтоним, под которым следует понимать имя в литературно-художественной речи, которое выполняет, кроме обязательной номинативной, характеризующую, идеологическую и стилистическую функции, вторичное по отношению к реальной онимии, со свойственной ему подвижной семантикой. Исходя из представления о художественном произведении как о вторичной семиотической моделирующей системе, можно и о поэтонимии, если таковая представлена в произведении, говорить как о вторичной системе, моделирующей реальную. Показаны основные линии перемен в теоретических представлениях о поэтонимии. Доказано, что всякое собственное имя в литературно-художественном произведении есть знак «фиктивного» (в смысле: сотворенного воображением писателя) существования означенного им объекта.

Ключевые слова: поэтоним; поэтонимогенез; поэтонимография; поэтонимология; поэтонимосфера

История интеллектуального развития человечества убедительно свидетельствует, что зарождение любой научной дисциплины происходило в результате дифференциации предшествующего «синкретического» знания. Так обстояло дело и с молодой научной дисциплиной, с которой заинтересовавшийся читатель может познакомиться поближе. Возникновение и развитие поэтонимологии можно представить в виде нескольких последовательных этапов автономизации. «Во время оно» (несколько слов о нем впереди) родился, а позже поддерживался и рос интерес к собственным именам вплоть до оформления ономастики в самостоятельную науку, что произошло, как известно, во время Первого Международного ономастического конгресса, созванного во Франции в 1930 г. по инициативе А. Доза, выдающегося французского лингвогеографа, диалектолога и ономаста, в 1947 г. основавшего, между прочим, первый специализированный журнал “*Onomastica*”. Заметим, что с 1949 г. этот журнал выходил под названием “*Revue Internationale d'onomastique*”, с 1978 по 1983 г. не издавался.

В 1983 г. восстановлен и выходит под названием “*Nouvelle Revue d'Onomastique*”.

Первым шагом на пути автономизации поэтонимологии стало выделение ономастики или, как сейчас все чаще называют науку о собственных именах в России, ономатологии (когда-то ее называли топономастикой) из состава лексикологии. В ходе дифференциации направлений по предмету исследования из топономастики выделились топонимика, антропонимика и другие отрасли науки о собственных именах, в том числе литературная ономастика. Подробности этих процессов, естественно, хорошо известны специалистам-ономатоологам. Поэтому останавливаться на них не будем, а сосредоточимся на направлении, которое в качестве предмета исследования избрало собственные имена, функционирующие в художественной литературе.

Стремление во всем дойти «до основания, до корней, до сердцевины» почти три десятилетия тому назад подтолкнуло автора статьи к поиску первоначал научного направления. И здесь (воспользуюсь «гидронимной метафорой») открылась любопытная

картина: удалось, хотя и гипотетически, но обозначить истоки научного поиска, и довольно основательно исследовать «дельту» сегодня мощного научного течения. А вот многочисленные «излучины» главного русла, впадающие в него плодотворные или уже высохшие «притоки», «старицы» и «ерики», вообще богатейшая картина «меандрирования» и динамики научного направления до сей поры остаются недостаточно изученными. Кое-что в этом направлении уже делается представителями Донецкой ономастической школы, но, увы, это только начало.

Что касается истоков научного внимания к собственным именам в языке и речи, то они обнаруживаются в глубокой древности. Говоря о зарождении идей, которые составили основу приемов использования собственных имен как средства поэтики, необходимо учитывать, что в античные времена уже существовали высоко развитые теории поэтики и риторики. Кроме того, следует иметь в виду, что некоторые вопросы, связанные с функционированием онимов, рассматривались в философских трактатах, таких, например, как диалог Платона «Кратил» [1], а отношение к онимии как средству эстетического начало складываться еще во времена мифологические. Тем, кто этими вопросами интересуется, можно указать на достаточно полно представленные в работах И.М. Тронского [2], В.В. Каракулакова [3; 4] и их продолжателей обзоры античных филологических теорий. Касаться их в статье мы не будем. Отметим лишь, что внимание именно к *собственным* именам как таковым возникло далеко не сразу. Лишь в III веке до н. э., то есть приблизительно через два столетия после Платона, Хрисипп из Сол пришел к выводу о необходимости выделить из имен особую категорию – собственные имена.

Более или менее отчетливо линия внимания к собственным именам (иногда пунктирная, часто с большими разрывами) прослеживается от античности до наших дней. Обзор ее автор статьи включил в монографию «Поэтика онима» [5]. Для ясности картины возникновения интереса к собственным именам как средству поэтики отмечу лишь несколько фактов из отечественных опытов в области изучения онимии литературных произведений. В.Г. Белинский в своих статьях в контексте анализа творческих достижений

А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя несколько раз касался стилистических свойств собственных имен [6]. Даже начинающие исследователи-поэтонимологи знают, конечно, об авторитетных высказываниях многих писателей о роли собственных имен в литературе, о спорадических «проникновениях» ученых в сферу онимии художественных произведений. Назову, для примера, работы А. Маркова о прозвище Ильи Муромца (1900 г.) [7]; В.И. Чернышева «Имена действующих лиц в сказках Пушкина о царе Салтане, о Золотом Петушке, о Мертвой Царевне» (1908 г.) [8]; анонимную статью, посвященную фамилии одного из персонажей «Мертвых душ», «Что значит фамилия Тентетников» (1909 г.), подписанную инициалами Л. В. [9]; указатель собственных имен к произведениям А.С. Пушкина, представленный В.Л. Разиньковым в 1910 г. [10]; публикацию Н.П. Кашина «Откуда взял Островский фамилию Юсова?» (1924 г.) [11]; ряд литературоведческих ономастических этюдов М.С. Альтмана, с 1931 г. довольно регулярно появлявшихся в печати [12] и, наконец, известную теперь в России (опубликована была в Болгарии в 1933 г.) статью А. Бема «Личные имена у Достоевского» и его опыты словарей собственных имен к произведениям Ф.М. Достоевского и дневнику писателя [13].

И все же начало систематического научного изучения комплекса проблем, относящихся к функционированию онимии в художественной литературе, мы связываем с диссертацией В.Н. Михайлова [14], защищенной им в Москве в 1956 г. Это было первое *диссертационное* исследование, охватившее полуторавековую историю русской литературы (XVIII – первая половина XIX века). А специальное внимание, помимо стилистических наблюдений, было уделено проблемам словообразования собственных имен. С этого события начался первый этап развития научного направления, получившего впоследствии название «поэтонимология», но в течение длительного времени существовавшего под различными именами разной степени точности. Сравнительно подробный обзор отечественных и европейских попыток «окрестить» научное направление с анализом недостатков в научной литературе представлен в [5; 15].

Для этого этапа характерно изучение собственных имен в художественных текстах преимущественно методами и приемами ономастических исследований с очень осторожным проникновением в зону литературоведческого осмысления изучаемых явлений.

Через десятилетие на небосклоне нового научного направления появилась яркая личность – Э.Б. Магазаник, разрушивший «монономастический» характер первых работ по литературной ономастике и открывший второй этап ее развития. Исследователь начал достаточно активно пропагандировать свое видение проблем и широко использовать литературоведческие подходы в разысканиях о собственных именах в художественной литературе. Начиная с 1967 г., с защиты диссертации [16], на протяжении десятилетия Э.Б. Магазаник исследовал так называемые «говорящие» имена, изучал фонетическую экспрессию онимии художественных текстов [17], а в 1978 г. выпустил своего рода итоговую монографию «Ономапозтика, или «Говорящие имена» в литературе» [18]. К сожалению, новые по сути и по подходам работы Э.Б. Магазаника, посвященные уже поэтике имен собственных, не были по достоинству оценены современниками, и преобладание чисто ономастических приемов изучения и описания собственных имен в художественной литературе оставалось еще долгое время очевидным.

Хотя известна точная дата *того* знаменательного события, поэтонимология еще очень долго пробивала себе дорогу и обустривала место в филологии. Достаточно напомнить, что через двадцать два года после защиты В.Н. Михайловым диссертации, в 1978 г., Э.Б. Магазаник написал: «Изучение поэтической ономастики – дело отнюдь не традиционное. Более того, <...> и сегодня оно еще способно вызывать у многих крайнее недоумение, недоверие: допустимо ли, дескать, всерьез заниматься таким... вздором?!» [18, с. 7]. Говорящие имена «значит, всякие там Скотинины, Коробочки, Очумеловы!.. И что из имен этих выжмешь? Что о них, кроме банальностей разве, можно поведать?» [18, с. 3]. Думаю, что и сегодня, через 38 лет после этого «вздоха сожаления», бытует в кругах, далековатых от филологии, то же мнение. А ведь библиография публикаций, посвященных собственным именам в литера-

турных произведениях, только на русском и украинском языках давно перевалила за 3000 единиц, и «вал» грозит превратиться в «девятый шквал». Но они были первые. Они были Маргиналами, в том смысле, что занимались заметками «на полях», а чаще под страницами или в затекстовых комментариях. Мы, их наследники, претендующие на иное место поэтонимологии в большой Филологии Имени, просто обязаны принять на себя ответственность за высочайшее качество и обстоятельность наших исследований.

Кроме пришедшего вместе с работами Э.Б. Магазаника понимания пограничного положения молодого научного направления, постепенно формировалось представление о необходимости принципиально иного подхода к изучаемому материалу. Однако подлинное осознание специфичности свойств онимии художественных произведений пришло далеко не сразу. Впервые фундаментальные положения, касающиеся специфики имени собственного в художественной литературе, были представлены в 1986 г. в публикациях Ю.А. Карпенко [19]. И хотя необходимость возвращения к этой теме ощущается до сих пор, можно считать, что эти работы положили начало третьему этапу. Чаще всего необходимость снова и снова говорить о специфике собственных имен в литературно-художественных произведениях вызывается тем, что продолжают появляться работы, в которых ясно прослеживается непонимание разницы между внешне подобными явлениями. И хотя в ряде своих работ автор статьи неоднократно обращался к анализу свойств собственных имен, функционирующих в художественном произведении, еще раз задержимся на этом вопросе.

Ю.А. Карпенко сформулировал пять положений, касающихся специфики онимов в художественной литературе. Первое утверждение касалось вторичности литературной онимии. По мнению ученого, она возникает и существует на фоне общенародной ономастики и представляет собой «субъективное отражение объективного», «осуществляемую писателем «игру» общезыковыми ономастическими нормами». Обращаем внимание читателей на тот факт, что в этой работе Ю.А. Карпенко называет и науку о собственных именах и совокупности собственных имен *ономастикой*. В настоящее же время

науку о собственных именах принято называть *ономастикой* (или ономатологией), а любые совокупности собственных имен *онимией*.

Часто писатель «прибегает к ономастическому творчеству, создавая отсутствующие в языке, но нужные для реализации художественного замысла собственные имена» [20, с. 205]. Следующим свойством, фундаментально отличающим онимию художественного произведения от реальной, является, по Ю.А. Карпенко, специфика ее детерминированности. Реальная ономастика складывается веками и строго детерминирована исторически, а «в художественном произведении имена выбирает либо создает сам автор» [20, с. 207]. Из этих утверждений с необходимостью вытекает третье положение о функциональной перестройке литературной онимии. В реальной жизни, «в обычном применении языка основной функцией собственных имен является дифференциальная (она же – номинативная, или идентификационная). <...> Функциональная трансформация собственных имен в художественной литературе прежде всего заключается в том, что приоритет дифференциации (номинации) отступает под натиском стилистики. И главную функцию собственных имен в художественной литературе можно назвать, не мудрствуя лукаво, стилистической» [20, с. 211-212]. Далее ученый пространно рассуждал о стилистической функции. Последнее же положение касалось того, что «в отличие от общенародной, реальной ономастики, которая принадлежит языку, литературная ономастика – это факт речи» [20, с. 216]. Не задерживаясь далее на этой работе Ю.А. Карпенко, отмечу, что пятой особенностью литературной онимии ученый назвал наличие в художественном произведении заглавия. В этом случае, как представляется, он от основной линии рассуждений отклонился. Наличие заглавия (собственное это имя или нет, в данном конкретном случае не имеет значения) – это свойство художественного произведения, и к рассуждениям о специфике онимии даже литературно-художественной имеет лишь опосредованное отношение. Отметим огорчение Ю.А. Карпенко: «Заглавия художественных произведений – это особая проблема, тема отдельного и обстоятельного анализа. К сожалению, ономасты подобным анализом

почти совсем не занимаются» [20, с. 219], – прозвучавшее тогда, сегодня услышано. В настоящее время исследование заглавий художественных произведений приобретает все большую популярность среди поэтономологов.

Но и тех четырех факторов, без учета которых дальнейшее изучение онимии художественных произведений стало не движением вперед, а совершенно определенным «шагом назад», очевидно.

Автор статьи на основе представления о различиях между именами в языке и художественной речи наряду с несколькими другими ономастами (см. например, публикации О.И. Фоняковой) продолжил «строительство» теории литературной ономастики и сформулировал ряд новых положений, развивающих идеи Ю.А. Карпенко относительно специфических свойств собственных имен, функционирующих в литературно-художественных текстах.

Начну с определения, правильнее, с уточнения предмета исследований, о котором пришлось задуматься сразу же после публикации представленных выше соображений Ю.А. Карпенко. В самом конце прошлого века я окончательно утвердился в мысли (разные названия научной дисциплины, появляющиеся в тексте статьи, отражают состояние самой науки), что «предмет поэтической ономастики представляют вовсе не собственные имена как таковые, а их специфическая трансформация – поэтонимы» [15, с. 62].

О поэтонимах написано много, но для ясности картины сформулирую несколько положений уточняющего характера. В спецкурсе «Поэтономология» я предлагаю студентам элементы всего мыслимого множества проприальных единиц (под проприальными понимаются не только лексические средства, но и словосочетания, дефиниции перифразы и другие средства номинации единичных объектов, объективно выполняющие идентифицирующую функцию) во всех сферах употребления называть собственными именами. Это множество, с учетом характера обслуживаемых «миров», можно разделить на две категории – онимы и поэтонимы. Онимы означают реальные и созданные воображением народа-языкотворца ирреальные объекты мира действительного Бытия, а по-

этонимы выполняют ту же функцию в литературно-художественных мирах. При этом как онимы, так и поэтонимы могут (и в большинстве случаев должны) разделяться на разряды, представляемые в науке соответствующими терминами и понятиями: антропонимам в художественных мирах соответствуют антропоэтонимы, топонимам – топопоэтонимы, зоонимам – зоопоэтонимы и т. д. Отсюда основное отличие поэтонима от онима: оно состоит в том, что поэтонимами обозначают не реальные, а существующие в творящем сознании автора и (через текст произведения) в воспринимающем сознании читателей идеальные образы вымышленных или реальных объектов, названных собственными именами. При этом, подчеркиваю, даже в тех случаях, когда поэтоним называет лицо, какой-нибудь топографический или другой объект, существующий или существовавший в прошлом в реальном мире, ореол художественного произведения переносит его в обстановку вымысла и игры. И если онимия реального мира предполагает наличие референтов материальных, которые в большинстве своем можно ощутить органами чувств (увидеть, услышать, потрогать и т. д.), то референтная база поэтонимии сплошь произведена Словом. Это единственный «материал», используя который автор конструирует художественный мир. И все без исключения референты собственных имен в художественных мирах *словесны*. И получить представление о них можно только через слово, причем слово писателя, то есть «обремененное» спецификой авторского представления об объекте. О тонкостях различий между именами ирреальных объектов мира бытийного и художественных миров нужно говорить особо. В том, что они существуют, читатели статьи смогут убедиться, ознакомившись со специальным параграфом первого раздела («Поэтоним») готовящейся к публикации монографии автора «Поэтонимология». В монографии будут также представлены разделы «Поэтонимогенез», «Поэтонимосфера» и «Поэтонимиграфия».

Различие между поэтонимами и онимами состоит также в том, что первые отличаются принципиальной динамичностью содержания, неустойчивостью относительно принадлежности к собственным именам или апеллятивам. Сложившиеся к настоящему времени

представления о поэтике и семантике собственных имен требуют постановки вопроса о новом понимании процессов, описанием которых занимаются лингвисты. Стабильность собственных имен – не более чем видимость. От употребления к употреблению онимы неуловимо изменяются, и обыденному сознанию только кажется, что это одни и те же слова. На самом деле имена переменчивы и многолики. Одни, подобно неуловимым модницам, примеряют на себя разнообразные одежды смыслов, другие, как солдаты, если и меняют униформу, то только в соответствии с требованиями «устава». Но «одежды» – лишь внешняя, хорошо видимая сторона перемен. Внутренняя жизнь онимов гораздо сложнее, а преобразования незаметнее. Можно считать, что любое слово, в том числе имя собственное, – одновременно и константа, и переменная. Не будь слово константой, мы не понимали бы друг друга, а не будь оно переменной, язык прекратил бы существование. Первое свойство помогает общаться, второе составляет сущность коммуникации.

Поэтонимологии как новой научной дисциплине случалось и долго еще будет приходится сталкиваться с различного рода недопониманием даже в кругу единомышленников, к числу которых мы, без всяких сомнений, относим, к сожалению, уже ушедшего из жизни Ю.А. Карпенко. В конце прошлого века для обозначения процесса развития изобразительно-содержательной сферы поэтонима нами был предложен новый термин: «В дополнение к выделенным Ю.А. Карпенко особенностям поэтонимов следует указать на их семантическую неустойчивость, точнее, на бытие в состоянии «подвижного покоя», *поэтонимогенез*, непрерывное движение вдоль оси «апеллятив – онома» [5, с. 115]. На защите диссертации Ю.А. Карпенко уже как официальный оппонент идею поэтонимогенеза поддержал, но одновременно высказал и замечание: «<...> спираючись на думку О.Ф. Лосєва про безкінечну смислову валентність і парадокси Г. Гійома (наприклад: «Немає іменника, а є у мові субстантивація, перервана більш-менш рано»), В.М. Калінкін і собі робить висновок: «Немає поетонімів а є надзвичайно складний генезис власної назви – поетонімогенез». Твердження такого роду (немає іменника або

немає поетоніма) видаються помилковими, подібними до твердження: немає матерії, а є тільки енергія. Звісно, є рух, динаміка, але є й результат, предмет – і іменник, і поетонім. Сама концепція безупинного творення, поетонімогенезу, що відбувається з кожною власною назвою у кожному художньому творі, є плідним, новаторським і дуже вагомим теоретичним набутком дисертанта. Але той факт, доведений В.М. Калінкіним, що є поетонімогенез, не означає, що «немає поетонімів» [21, с. 336-337].

Разумеется, это мнение ученого инерцией мышления не назовешь. И критику придется принять хотя бы потому, что даже стилистические неудачи вредят сущности описываемого феномена, но ведь полностью смысл этой полемической гиперболы следует понимать с продолжением: «<...> в поэтическом языке «нет поэтонимов», а есть чрезвычайно сложный генезис имени собственного имени – поэтонімогенез, – процесс, который нужно осознать, если хочешь подняться до понимания сущности поэтоніма» [12, с. 148-149].

Сопоставление поэтоніма и поэтонімогенеза с материей и энергией справедливо и безусловно красиво, но только до тех пор, пока обе сущности и обе функции суть проявления косной материи, но позволим себе еще одно полемическое «заострение»: явление поэтоніма сравнимо с жизнью одушевленного биологического объекта: он потому и существует, что непрерывно развивается, а дух его преодолевает косность.

Третье существенное отличие поэтонімов от онімов связано с гегемонией эстетической функции и доминированием в их семантической сфере «поэтических» коннотаций. Проникнув в художественное произведение, поэтонім вступает на путь обретения содержательных и образных свойств, порождаемых контекстом произведения и контекстом «как широчайшим принципом» (А.Ф. Лосев). Коннотирующие потенции поэтоніма в первом употреблении и в финальной части текста – разные, даже в варианте единственного употребления. И зависят они от аккумулируемых поэтонімом «добавок» к запасу социально и эстетически значимой информации. И если в первом употреблении поэтонім может быть по сути аниконическим (безобразным), то к финалу произведения он в

состоянии превратиться в насыщенный новыми коннотемами поэтонім-символ и даже поэтонім-миф. Границы же, тем более четкие, между поэтонімами разной степени насыщенности содержательной сферы попросту неустановимы. К сущности поэтоніма (по крайней мере на стадии символического развития, когда она способна отождествляться с широчайшей идеей) вполне приложимо рассуждение А.Ф. Лосева о сущности символа: «<...> К сущности символа (можно читать – поэтоніма. – В. К.) относится то, что никогда не является прямой данностью вещи <...>, но ее заданностью, не самой вещью или действительностью, как порождением, но ее порождающим принципом <...>» [22, с. 12].

К числу символов относятся все литературные типы, причем некоторые из них достигают предельной степени обобщенности. Абсолютно неприемлемым представляется в данном случае понятие «прецедентный онім» [23].

«Все эти Собакевичи, Ноздревы и Маниловы являются символами мертвых душ. А что эти символы ограничены определенным временем и местом и определенными социальными причинами, то это ясно само собой. Но вот возьмем такие литературные символы, как Дон Кихот, Дон Жуан или многие персонажи шекспировских трагедий. Эти чрезвычайно обобщенные литературные символы <...> слишком широки, возможны в любое время и при любых обстоятельствах; и их фактическое функционирование в литературе, можно сказать, бесконечно разнообразно» [24, с. 443].

Таким образом, предметом исследования в поэтонімологии является поэтонім, под которым следует понимать имя в литературно-художественной речи, которое выполняет, кроме обязательной номинативной, характеризующую, идеологическую и стилистическую функции, вторичное по отношению к реальной онимии, со свойственной ему подвижной семантикой. Исходя из представления о художественном произведении как о вторичной семиотической моделирующей системе, можно и о поэтонімии, если таковая представлена в произведении, говорить как о вторичной системе, моделирующей реальную.

Исследование поэтики собственных имен является главной целью представляе-

мой научной дисциплины. Результатом же должны стать ответы на приведенные ниже и, естественно, некоторые другие вопросы:

1) какие собственные имена использованы в литературном произведении (с обязательной рефлексией относительно требований литературного направления, жанра и т. п., с учетом интенций (намерений) автора);

2) в каких условиях используются поэтонимы, то есть в чем состоит стратегия синтагматического развертывания текста, в структуре которого они функционируют;

3) как используются поэтонимы (лингвистические обстоятельства употребления или тактика лексического и синтаксического оформления, тропы и фигуры речи);

4) с каким эффектом применяются поэтонимы?

Следует, однако, заметить, что поэтономологический этап развития научной дисциплины не в последнюю очередь связан с расширением представлений ученых-поэтономологов об объекте и предметах исследования. В общегносеологическом плане различие объекта и предмета сводится к осознанию разницы между реальным многообразием, сложностью объекта и рафинированностью предмета, в который входят лишь главные, наиболее существенные свойства и признаки исследуемого явления. Состояние научных исследований собственных имен в художественной литературе к началу нового тысячелетия позволило сформулировать некоторые аксиомы и постулаты, которые, по моему мнению, можно отнести к презумпциям поэтономологии. Было их немного, но они стали первыми «посильными шагами» в развитии той части поэтономологии, которую можно обозначит как теорию поэтонима. Приведу упрощенные формулировки двух аксиом знаковости, двух аксиом контекста, аксиомы сознания и аксиомы предикации. Все они базируются на общеизвестных взглядах и положениях, давно утвердившихся в филологии. Итак: 1) (Аксиома знаковости). *Всякое собственное имя в литературно-художественном произведении есть знак «фиктивного» (в смысле: сотворенного воображением писателя) существования означенного им объекта.* Представляется, что уже Аристотель понимал это: «Историк и поэт различаются не тем, что один говорит стихами, а другой прозой. <...> Поэзия со-

держит в себе более философского и серьезного элемента, чем история: она представляет более общее, а история частное. Общее состоит в изображении того, что приходится говорить или делать по вероятности или по необходимости человеку, обладающему теми или иными качествами. *К этому стремится поэзия, давая действующим лицам имена.* (курсив наш. – В. К.) <...> поэт <...>, даже если ему придется изображать действительные события, он все-таки творец, так как ничто не препятствует тому, чтобы некоторые действительные события имели характер вероятности и возможности» [25, с. 1077-1078].

Печальный факт: от Аристотеля до Л.Н. Толстого проходит линия понимания, а в литературоведении, особенно же в критике, часто встречаются рассуждения о верности автора «правде жизни», точной, исторически достоверной передаче событий. Еще печальнее то, что существует значительное количество работ ономастологов, в которых материал художественной литературы «объявляется» документом, подтверждающим или опровергающим ономастические научные выводы, касающиеся не поэтонимии, а онимии.

(Продолжение следует)

Список литературы

1. Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / общ. ред А.Ф. Лосева и др.; авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1990. С. 613-681.
2. Тронский И.М. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля / под ред. О. Фрейденберг. Москва; Ленинград, 1936.
3. Каракулаков В.В. Проблема языка у Гераклита // Язык и стиль античных писателей. Л., 1966.
4. Каракулаков В.В. Первые греческие философы о роли языка в познании // Вопросы филологии. Вып. 16. Душанбе, 1963.
5. Калинин В.М. Поэтика онама. Донецк: ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 1999. 408 с.
6. Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 3 т. М.: ОГИЗ, 1948.
7. Марков А. К вопросу о прозвище Ильи Муромца // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 159-161.
8. Чернышев В.И. Имена действующих лиц в сказках Пушкина о царе Салтане, о Золотом Петушке, о Мертвой Царевне (Салтан, Гви-

- дон, Дадон...) // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Спб., 1908. Вып. 6. С. 128-132.
9. Л. В. Что значит фамилия Тентетников // Русский филологический вестник. 1909. № 2. С. 223-226.
 10. Разиньков В.Л. Указатель имен личных, географических названий и действующих лиц // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Спб., 1910. Вып. 9/10. С. 375-397.
 11. Кашин Н.П. Откуда взял Островский фамилию Юсова? // Островский. Новые материалы. Письма. Труды. Статьи. Л., 1924. С. 297-302.
 12. Альтман М.С. Прыжов и Достоевский // Картога и ссылка. 1931. № 8-9. С. 57-71.
 13. Бем А. Личные имена у Достоевского // Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ. София, 1933. С. 245-286.
 14. Михайлов В.Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование: дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 1955. 591 с.
 15. Калинин В.М. Несколько предварительных замечаний к теории поэтонима // Матеріали вузівської наукової конференції професорсько-викладацького складу за підсумками науково-дослідницької роботи: Філологічні науки. Донецьк: ДонДУ, 1997. С. 114-116.
 16. Магазаник Э.Б. Поэтика имен собственных в русской классической литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1967. 24 с.
 17. Магазаник Э.Б. Поэтическая ономастика и фонетическая экспрессия: к инструментовке собственных имен в художественной литературе // Труды Самаркандского университета. Самарканд, 1971. Вып. 214. С. 60-72.
 18. Магазаник Э.Б. Ономапоэтика, или «Говорящие имена» в литературе / отв. ред. Р.П. Шагинян. Ташкент: Фан, 1978. 146 с.
 19. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Onomastica XXXI. 1986. S. 6-22.
 20. Карпенко Ю.О. Литературна ономастика: зб. ст. Одеса: Астропринт, 2008. 328 с.
 21. Карпенко Ю.О. Феномен Валерія Михайловича Калінкіна // Восточноукраинский лингвистический сборник: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.С. Отин. Вып. 10. Донецк: ТОВ «Юго-Восток Лтд», 2006. С. 333-340.
 22. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
 23. Калинин В.М. К вопросу о проблемах терминологии и метаязыка ономастических исследований // Русский язык в поликультурном мире: материалы 10 Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. Т. 1. С. 93-102.
 24. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Моск. ун-т, 1982. 480 с.
 25. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. (Классическая философская мысль). С. 1013-1112.

References

1. Platon. *Sobranie sochineniy v 4 t. T. 1* [Collected edition in 4 vols. Vol. 1], gen. eds. A.F. Losev et al, comments by A.A. Takho-Godi, trans. from Ancient Greek. Moscow, Mysl' Publ., 1990. (In Russian).
2. Tronskiy I.M. Problemy yazyka v antichnoy nauke [Language problems in the ancient science]. *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Ancient theories of language and style], ed. O. Freydenberg. Moscow, Leningrad, 1936. (In Russian).
3. Karakulakov V.V. Problema yazyka u Geraklita [Language problem in the works by Heraclitus]. *Yazyk i stil' antichnykh pisateley* [Language and style of Ancient writers]. Leningrad, 1966. (In Russian).
4. Karakulakov V.V. Pervye grecheskie filosofiy o roli yazyka v poznanii [First Greek philosophers about language role in cognition]. *Voprosy filologii – Journal of Philology*, 1963, no. 16. (In Russian).
5. Kalinkin V.M. *Poetika onima* [Onym poetics]. Donetsk, LLC “Yugo-Vostok, Ltd”, 1999. 408 p. (In Russian).
6. Belinskiy V.G. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected editions in 3 vols.]. Moscow, Assosiation of State Book and Jornal Publ., 1948. (In Russian).
7. Markov A. K voprosu o prozvishe Il'i Muromtsa [To the question about Iliya Muromets's alias]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 1900, no. 1, pp. 159-161. (In Russian).
8. Chernyshev V.I. Imena deystvuyushchikh lits v skazkakh Pushkina o tsare Saltane, o Zolotom Petushke, o Mertvoy Tsarevne (Saltan, Gvidon, Dadon...) [Names of heroes in Pushkin's tales about Tsar Saltan, The Golden Cockerel and Dead Tsarevna]. *Pushkin i ego sovremenniki. Materialy i issledovaniya* [Pushkin and his contemporaries. Materials and investigation]. St. Petersburg, 1908, no. 6, pp. 128-132. (In Russian).
9. L. V. Chto znachit familiya Tentetnikov [What does the family Tentetnikov mean]. *Russkiy filologicheskiy vestnik* [Russian Philological Review], 1909, no. 2, pp. 223-226. (In Russian).
10. Razin'kov V.L. Ukazatel' imen lichnykh, geograficheskikh nazvaniy i deystvuyushchikh lits [Guide of personal, geographical names and dramatis personae]. *Pushkin i ego sovremenniki*.

- Materialy i issledovaniya*. [Pushkin and his contemporaries. Materials and investigation]. St. Petersburg, 1910, no. 9/10, pp. 375-397. (In Russian).
11. Kashin N.P. Otkuda vzyal Ostrovskiy familiyu Yusova [Where did Ostrovsky take surname Yusov]? *Ostrovskiy. Novye materialy. Pis'ma. Trudy. Stat'i* [Ostrovsky. New materials. Letters. Works. Articles]. Leningrad, 1924, pp. 297-302. (In Russian).
 12. Al'tman M.S. Pryzhov i Dostoevskiy [Pryzhov i Dostoevsky]. *Katorga i ssylka* [Forced-labor camp and deportation], 1931, no. 8-9, pp. 57-71. (In Russian).
 13. Bem A. Lichnye imena u Dostoevskogo [Personal names in the works of Dostoevsky]. *Sbornik v chest' na prof. L. Miletich* [Digest in honour of professor L. Miletich]. Sofia, 1933, pp. 245-286. (In Russian).
 14. Mikhaylov V.N. *Sobstvennye imena personazhey russkoy khudozhestvennoy literatury XVIII i pervoy poloviny XIX vv., ikh funktsii i slovoobrazovanie* [Proper names of Russian imaginative literature of XVIII and first half of XIX centuries, their functions and wordbuilding]. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Simferopol, 1955. 591 p. (In Russian).
 15. Kalinkin V.M. Neskol'ko predvaritel'nykh zamechaniy k teorii poetonima [Some prefatory remarks to the theory of poetonym]. *Materialy vuzivs'koi' naukovoii' konferencii' profesors'ko-vykladach'kogo sklada za pidsumkamy naukovodoslidnych'koi' roboty: Filologichni* [Proceedings of University scientific conference higher-education teaching personnel following the results of scientific and research work: Philology sciences]. Donetsk, DonDU Publ., 1997, pp. 114-116. (In Russian).
 16. Magazanik E.B. *Poetika imen sobstvennykh v russkoy klassicheskoy literatury* [Proper names poetics in Russian classical imaginative literature]. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Samarkand, 1967. 24 p. (In Russian).
 17. Magazanik E.B. Poeticheskaya onomastika i foneticheskaya ekspressiya: k instrumentovke sobstvennykh imen v khudozhestvennoy literatury [Poetical onomastics and phonetical expression: to the instrumentation of proper names in imaginative literature]. *Trudy Samarkandskogo universiteta* [Proceedings of Samarkand University]. Samarkand, 1971, no. 214, pp. 60-72. (In Russian).
 18. Magazanik E.B. *Onomapoetika, ili «Govoryashchie imena» v literature*. [Onomapoetics, or “charactonyms”], executive ed. R.P. Shaginyan. Tashkent, Fan Publ., 1978. 146 p. (In Russian).
 19. Karpenko Yu.A. Imya sobstvennoye v khudozhestvennoy literature [Proper name in imaginative literature]. *Onomastica XXXI* [Onomastics XXXI], 1986, pp. 6-22. (In Russian).
 20. Karpenko Ju.O. *Literaturna onomastyka* [Literal onomastics]. Odesa, Astroprynt Publ., 2008. 328 p. (In Ukrainian).
 21. Karpenko Yu.O. Fenomen Valeriya Mikhaylovicha Kalinkina [Phenomenon of Valeriy Mikhaylovich Kalinkin]. *Vostochnoukrainskiy lingvisticheskiiy sbornik* [East-Ukrainian linguistic digest], executive ed. E.S. Otin, no. 10. Donetsk: LLC “Yugo-Vostok Ltd”, 2006, pp. 333-340. (In Russian).
 22. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [Problem of symbol and realistic art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 367 p. (In Ukrainian).
 23. Kalinkin V.M. K voprosu o problemakh terminologii i metazyky onomasticheskikh issledovaniy» [To the question about problems of terminology and metalanguage of onomastic investigation]. *Materialy 10 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii “Russkiy yazyk v polikul'turnom mire”: v 2 t.* [Proceedings of 10th International scientific and application conference “Russian language in polycultural world”: in 2 vols.], executive ed. E.Ya. Titarenko. Simferopol, IT “ARIAL”, 2016, vol. 1, pp. 93-102. (In Russian).
 24. Losev A.F. *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. Moscow, Moscow University Publ., 1982. 480 p. (In Russian).
 25. Aristotel'. *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Politics. Ritorics. Poetics. Categories]. Minsk, Literatura Publ., 1998. (In Russian).
- Поступила в редакцию 21.09.2016 г.
Received 21 September 2016

UDC 801.311/313(066)

PLEASE MEET POETONYMOLOGY

Valeriy Mikhaylovich KALINKIN

Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department

Donetsk National Medical University of Maxim Gorky

16 Ilich Ave., Donetsk, Ukraine, 83003

E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

The thoughts about ways of poetonymology development, interdisciplinary scientific direction, studying proper names in literary and art texts are proposed. The study is relevant because of connection with the development of onomastic researches in the world and because of the principal novelty of theoretical postulates which state poetonymology not only as an heir of literary onomastics but also as a new stage of its development. The aim is to present to the readers the tasks of poetonymology researches as specific way of penetration not only in poetic manner but also in semantic aura of poetonyms forming in the functioning process in literary and art text, the features and abilities of proper names in generation of literary-artistic whole creation. The understanding of the term poetonym which is understood as a name in literary-artistic speech, which acts not only as obligatory nominative function, characterizing ideological and stylistic functions the lateral to real onymy with flexible semantics is proposed. On the basis of the notion of artistic work as lateral semiotic modeling system we can speak about poetonymy as about lateral system if it is presented in the literary work as modeling real system. The basic lines of theoretical changes of notions about poetonymy are shown. It is proved that every proper name in literary-artistic text is a sign of “factual” (meaning created with the help of writer’s imagination) existence of the marked object.

Key words: poetonym; poetonymogenesis; poetonymography; poetonymology; poetonymosphere

Информация для цитирования:

Калинкин В.М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 18-27.

Kalinkin V.M. Znakom'tes': poetonimologiya [Please meet poetonymology]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kultyurologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2016, vol. 2, no. 4 (8), pp. 18-27. (In Russian).